

Юрий ДЮЖЕВ
г. Петрозаводск

В последние годы своей жизни Александр Яшин (1913–1968) часто бывал на Вологодчине, в своём доме, который построил в родной ему деревне Блудново. Он многое пересмотрел в своих взглядах на литературу и жизнь. «Прежде всего это реакция – затянущаяся, мучительная – на свою старую слепоту и увлечённость, уход от жизни, но не полный, не равнодушный, а ожесточённость и злая ясность ума во взгляде на текущие политические события», – объяснял А.Яшин «собственные переживания, свою неустроенность в жизни»¹.

Как всегда в критических для себя ситуациях Яшин обращался к творчеству Льва Толстого, перечитывал «Войну и мир», называл в дневнике «подвигом» «уход» Л.Толстого: «Это – очищение и путь к наибольшей сосредоточенности в творческом труде своём».

Путь к «очищению» был для Яшина трудным и явил собой превращение «романтика в душе» начала 1930-х – в человека, у которого к концу жизни сорвался якорь его коммунистической веры. «Не пишется, руки опустились, – жаловался Яшин в письме В.Овечкину от 1 мая 1965 года. – Ленивым я раньше себя никогда не считал, – значит, либо постарел

слишком быстро, либо просто всякую веру в литературу потерял и потому пропал интерес что-то делать, а ради одних денег писать уже не могу».

Начав свой путь в литературе с жизнерадостного чувства единства и согласия с социалистическим бытием, Яшин всё более удалялся от первоначальной цели своего развития в сторону противопоставления себя миру социализма, разрыва с ним. «Я совершенно один в этом мире, в этом лесу, у меня никого нет на свете близкого, кому бы я мог полностью довериться», – писал Яшин в дневнике 20 сентября 1967 года.

Дневниковые записи Яшина дают возможность увидеть, как борются внутри человека поток страстей и духовная дисциплина. К Яшину рано пришло осознание двойственной природы человека. Вступив на писательскую тропу, он вёл изнуряющую борьбу духа против чувственных желаний и неупорядоченных ощущений. «Я стараюсь казаться не таким, каков есть, – писал Яшин в дневнике 30 апреля 1966 года. – Не силач (богатырь) я, а ледащий, лодырь не работающий, во всём не настоящий. Надоело казаться не таким, каков я есть. Как умирать буду? Непугтёвая жизнь».

Эта вечная борьба между мгновенными страстями и духовным началом, которую вели многие русские писатели, включая Ф. Достоевского и Л. Толстого, для Яшина осложнялась противоречиями и конфликтами советского общества, требовавшего от социалистической культуры стоять на службе у пролетариата и быть интернационалистической. Ленинская теория о наличии двух культур внутри антагонистического общества не оставляла творческой интеллигенции выбора в условиях твёрдого руководства со стороны партии и государства. «Молился на Льва Толстого, и только, пожалуй, на него одного всю жизнь, а писал о Кольцове, о Некрасове... Позвонили – и написал», – каялся Яшин в дневниковой записи 4 апреля 1968 года.

Яшину приходилось в послевоенное десятилетие писать стихи о победах колхозного строя, не вкладывая в них душу, что привело впоследствии к ощущению раздвоенности. «И так я весь представляю собою как бы два потенциала, полярных. Каждый предмет раздваивается, в каждом предмете опять-таки два начала. Может быть, это положительное и отрицательное».

По примеру Льва Толстого Яшин искал совершенной жизни и во имя её обличал жизнь дурную и грешную. В поисках правды, толкаемый жаждой иного мира, он после рассказа «Рычаги» (1956) написал повесть «Сирота» (Москва, 1962, № 6) и очерк «Вологодская свадьба» (Новый мир, 1962, № 12). «Вспоминая, до какого отрицания поэзии дошел я, прежде чем написать книжку стихов «Совесть», – делал запись в дневнике Яшин 19 января 1963 года. – Народ страдает, а мы стишки пишем, – мне это казалось очень стыдным».

По мнению позднего Яшина, настоящая писательская страсть исключает равнодушное отношение к жизни, она безрассудно смела и до конца непримирима ко всякого рода болоту, бесстыдству, демагогическому беззаконию². В ответе на анкету журнала «Вопросы литературы» (1967, № 6) Яшин писал, что в своей литературной практике он стремился быть верным такой традиции, которая питается соками живого, разговорного языка; что ему легче работалось и вероятность удачи была больше, когда он брал за основу для своих персонажей хорошо знакомых людей из жизни.

Этими принципами он руководствовался при написании очерка «Вологодская свадьба» по материалам своего присутствия на свадьбе родственницы в деревне Скачково в декабре 1961 года. Время словно застыло в этой глуши: нет электричества, радио, закрыты библиотека и клуб. Из-за отсутствия медицинской помощи велика детская смертность. От плохого питания, изнурительной работы жители де-

ревни «все мелки ростом», «шибко водки много стали пить после войны». Свадьба была для писателя поводом к размышлениям о нравственных основах деревенской жизни.

Однако в стране, еще оглушённой последствиями культуры личности, хватало читателей и критиков, которые, «суеверно открешиваясь: «Чур меня, чур меня!» – с ходу подписывали подсунутые им разными служивыми добротами изготовленные по стандарту коллективные читательские письма».

Сразу после публикации очерка «Вологодская свадьба» в вологодской газете «Красный Север»³ и в «Известиях»⁴ появились статьи с грубыми нападениями на писателя, а в Никольском районе и Вологде прошли читательские конференции, где «Вологодская свадьба» причислялась к произведениям «клеветнического» толка. Когда в феврале 1963 года друг Яшина по совместной учёбе в Никольском педтехникуме А. Пшеничников побывал на комсомольском собрании в Байдаровской школе, он стал свидетелем, как учитель русского языка и литературы устроил публичный суд над «Вологодской свадьбой», заставив школьников «по бумажке обвинять писателя в искажении действительности»⁵.

Яшин более всего был задет явно инспирированными коллективными «разносами» очерка, устроенными на его малой родине, и с возмущением говорил А. Пшеничникову при личной встрече:

«Почему из-за «Вологодской свадьбы» в Никольске подняли такой шум? Я хотел сделать так, чтобы земляки жили, как и все люди: ездили по хорошим дорогам, слушали радио, смотрели кино, чтобы в каждой избе горела лампочка Ильича».

«Яшин подал мне папку с письмами. Это искренние, доброжелательные слова рядовых колхозников из Блуднова, Плаксина, Теребаева, письмо учителя Павлова. Молча он подаёт вторую папку... Несколько страниц, напечатанных на машинке, подводят итог: За земляка мы Вас не считаем и отрекаемся от такого землячества».

В письме К. Коничеву Яшин настоятельно просил развязать землякам своё доброжелательное отношение к их нуждам и заботам: «Мне бы хотелось, чтобы все вы, мои товарищи, знающие деревню, смогли сказать, что, конечно, никакого вреда, злого умысла своим землякам я не хотел и не хочу, никакого камня за пазухой у меня нет. И я ничего не выдумывал и не обобщал»⁶.

Яшин мечтал написать «поэму ухода. Ухожу от друзей, от города – в звуки леса, лугов, как Лев Толстой от своей семьи. От тщеславия, от борьбы за власть, за закрытый распред и паёк»⁷. Он решает построить дом на Бобришном Угоре, среди леса. «Изба эта на высоком берегу реки мне совершенно

необходима: каждое лето я буду сидеть в ней и писать так, как никогда и нигде мне ещё не писалось. Это будет рабочий домик поэта... Герои мои будут сами приходиться ко мне на дом, в гости, это мои земляки, сверстники, бывшие одноклассники».

Любовь к земле предков всю жизнь сопровождала поэта. «Удивительное, окрыляющее душу чувство любви к родной земле, страстное желание ей добра, силы, изобилия, славы порой захватывает меня все-го, – писал он 3 ноября 1946 года. – Хочу всем и каждому из нас счастья, успехов в работе, долгих лет жизни. И ещё хочу, чтобы ощущение радости и какого-то полёта души было доступно каждому человеку, чтобы каждый хоть раз в своей жизни испытал это благородное слияние всего себя с Родиной и уже никогда больше не забывал бы этого животворящего очистительного святого чувства».

Последние книги поэта «Совесь» (1961), «Босиком по земле» (1965), «День творенья» (1968) органично соединяли воспоминания поэта и реальность, раздумья о жизни и точность деталей в описании труда и быта земляков. Писатель умел заглянуть в глубины человеческой природы, увидеть потенциальные возможности своего героя, высветить внутреннюю совесть, сочувствие человеку со всеми его бедами, поднять проблемы нравственного существования современных ему людей.

В трёхтомном собрании сочинений Яшина лирические стихи 1960-х годов насчитывают более 140 названий. Они могут быть разделены на три основные группы. Первая – стихи о родной Вологодчине, вторая – любовная лирика, третья – философская поэзия размышлений о жизни и смерти, когда Яшину стал известен диагноз его неизлечимой болезни.

Стихотворение «Босиком по земле» (1962) родилось во время поездки Яшина на родину в мае 1962 года, когда поэт задумал построить свой дом на Бобришном Угоре, где бы он мог работать⁸. Лирический герой стихотворения у себя на родине радуется всему живому. Он словно сросся сердцем с деревьями и цветами, с лугами и лесами и с восхищением рисует солнце, которое «смотрит сквозь облако, как из окна, на рощу, на луг зелёный»; реку, которая «от берега к берегу ходит», и в ней отражаются те же луга, облака, «то же мироздание». Благодаря проникновенному дару радоваться всему прекрасному, вечному поэт на лоне природы забывает про заботы и тревоги. Вокруг него живёт, дышит, перекликается мир родной природы, символизирующий бесконечную ценность жизни:

*Птицы взвиваются из-под ног,
Зайцы срываются со всех ног.
А я никого не трогаю:*

*Лугами, лесами, как добрый бог,
Иду своею дорогою.
И ягоды ем,
И траву щиплю,
К ручью становлюсь на колени я.
Я воду люблю,
Я землю люблю,
Как после выздоровления⁹.*

Для поэта «бродить по сырой земле босиком – это большое счастье». В эти минуты он чувствует себя частицей великого и бесконечного мира, сливается душой с величественным бором, который за годы его отсутствия «гриву распустил – в поднебесье хвоя, будто соты» («Чистый бор», 1962); вслушивается «в шорохи трав и в шумы вершин» и радуется, что в окрестных рощах «песню нашёл, и она живёт, сыщутся и слова» («Песня без слов», 1962). Прилив сил ощущает поэт при виде начавшегося 30 мая 1962 года строительства избы («домика поэта»). Здесь он мечтает уйти «в удаленье от сумятицы буден. / Обрести птичье зренье, недоступное людям» («На Бобришном Угоре», 1962), надеется на открытие «второго дыхания» на долгом поэтическом пути:

*В получасе шаганья
От деревни Блуднова
Жизнь моя, как сказанье,
Начинается снова.*

То ощущение свободы, которое рождается у Яшина в лесу, идёт от давнего настроенного отношения к суетливому быту, который обрубаёт под корень самые великие мечты, не даёт развернуться заложенным в человеке творческим силам. В посвящённом В.Бианки «Письме в «Лесную газету» (1960) Яшин с грустью писал о возрастающем равнодушии горожан к природе, когда из всего птичьего царства дачники и их дети знают только дроздов и синичек, а цветы на лугах «травой называют»:

*И, конечно, тревожно,
Что порой мы безбожно
Не храним, что имеем,
Не щадим, не жалеем.*

Не случайно стихотворение «О моей святыне» (1961) начиналось возгласом «Больше не могу!» и далее формулировалось решение: «Надо бежать в северную тайгу, в зелёную благодать, – просто чтобы дышать». Уже тогда поэт предполагал, что многое в родном краю могло перемениться:

*Но это моя земля,
Моя маета и мечта,
Мои святые места!*

Написанные на Вологодчине стихи Яшина имеют личностную, автобиографическую основу. Для поэта искусство слова связано с личными интересами и конфликтами. В лирике Яшина постоянно ощущается живое присутствие поэта. Человек исключительной скромности, удивительной сердечности и доброты, он любил всё чистое, красивое, благородное. Он любил жизнь и был непримирим к несправедливости, неправде и общественному злу.

В стихотворении «Смерть берёзки» (1962) образ так и не пробившейся к свету и затёртой колючим кустарником берёзки – это зеркальное отражение целого поэтического поколения, которое лучшие свои годы провело в условиях «колючей» цензуры. Оно пыталось «подняться под облака», но вокруг, как у выросшей на болоте берёзки, «кисло пахло гниением, тленьем» и совсем уж редко «солнце вспыхивало над головой»:

*Пробивалась, да не пробилась,
Продиралась –
Не продралась:
Изогнулась,
Перетонилась,
Отдалась соседям на милость
И с землей потеряла связь.*

Чтобы этого не случилось с молодыми литературными талантами, А.Яшин рекомендует журналу «Наш современник» повесть В.Белова «Деревня Бердяйка» (1961). В молодых героях В.Белова А.Яшина привлекает умение радоваться жизни и долго хранить в душе светлое, лирическое настроение. Они близки ему ощущением любви к родной земле, где воздух напоён особым ароматом и свежестью, где так красиво серебрится река, а в воздухе стремительно летают стрижи и ласточки, где живут люди, олицетворяющие собой духовную силу и красоту русского национального характера.

Во время своего приезда в родную Белову деревню Тимонику в марте 1966 года Яшин прочитал опубликованную в «Севере» его повесть «Привычное дело» и занёс в дневник: «22 марта. Перечитал «Привычное дело». Ростом Вася с ноготок, а талант дай боже»¹⁰. Повесть Белова Яшин называл «трогательной до слёз и глубоко правдивой» и восхищался умением Белова написать о земляках «с такой любовью, и состраданием, и радостью, что для сравнения на память приходят лучшие образцы нашей великой русской литературы»¹¹.

Сам А.Яшин в своих стихах выступал за то, чтобы человек всегда помнил о своих «корнях», сохранял связь с землёй предков, с уважением относился ко всему доброму, хорошему, что передали ему в наследство крестьянские предки. В стихотворении «Родные слова» (1962) Яшин говорит о богатстве сельского лексикона, когда «поднёбицей» называли полку под потолком избы, «журавлихой» – клюкву:

*Нас к этим словам привадила мать,
Милы они с самого детства,
И я ничего не хочу уступать
Из вверенного наследства.*

После переселения в построенную для него избу на Бобришном Угоре Яшин всё чаще задумывается о том, что крестьянская жизнь, возможно, является лучшим способом проявления человеческой индивидуальности. Если у него после многих десятилетий городской жизни «душа по-прежнему не на месте», то его мать по-настоящему счастлива в своей деревне. В стихотворении «С матерью наедине» (1964) у ставшего знаменитым на всю Россию поэта вдруг звучит сомнение в истинности избранного им литературного пути:

*Почему ты, мама, меня сильнее?
Иссохшая, старая,
А не больная.
Пахать бы мне землю, как ты пахала,
Зимой ладить дроги,
А летом сани,
И не искать бы иного счастья,
Бояться суетности, как заразы!
Ведь нет всё равно ничего на свете
Милей твоего крова!*

В той поразительной искренности, с которой Яшин в обращении к матери говорит о своих переживаниях («Ничего из меня, мама, не вышло, и мудрость с годами не прибывает»), проявляется свойственная русским система нравственности, о которой теоретик социальной и философской стороны славянофильства И.В.Киреевский писал: «Русский человек всегда живо чувствует свои недостатки и чем выше восходит по лестнице нравственного развития, тем более требует от себя и потому тем менее бывает доволен собою»¹².

Сравнивая ослабление семейных связей горожан с внутренней цельностью самосознания своих земляков, Яшин стремится передать в стихотворении «Топятся печи» (1962) уважение к царящей в крестьянских семьях атмосфере «постоянного ежеминутного самоотвержения». Ещё утром, затемно, поэт

проходит по улицам вологодской деревни и любит-ся началом трудового дня. Хозяйка затопила печь, подоила корову, выставила на стол горшки с молоком и хлеб. Проснулся «большак» и просматривает газету, а потом по фронтовой привычке, «оторвав от угла дорожку», скручивает из неё папиросу. Все эти милые сердцу поэта детали рожают в нём сильное желание выразить свою любовь к землякам за твёрдость их быта, за крепость семейных связей, за простоту жизненных потребностей и бодрость нравственного мужества:

*Дети с ложками – стайкой к посуде:
Еда с парком, духовита.
Доброе утро, добрые люди,
Приятного аппетита!*

Для Яшина деревня – хранительница исконных черт русского национального характера, неиссякаемый родник народной жизни и поле наблюдений над изменениями в укладе жизни. Несколько лет он боролся за то, чтобы в его родную деревню провели электричество, и когда, наконец, это произошло, пишет проникнутое верой в лучшее будущее своих земляков стихотворение «В бору случилось невозможное» (1962): «И до чего всех это радует / и как волнует!» На волне этой веры в обновление деревни («И снова верится, и чудится, / что жизнь идёт не стороною») Яшин пишет стихотворение «Мы уже боялись...» (1962) в форме письма из деревни своему столичному другу. Привлекает жизнерадостная энергетика этого послания, в котором с характерной для сказок удалью и размахом рисуется небывалый урожай красных ягод («Лопатами гребли») и грибов, которых наросло «на удивленье». С весёлой иронией поэт спрашивает своего именитого адресата (письма к которому «прячут в стол секретари»), уж если в столице плохо со снабжением («Не оскудаешься ли? – сообщи»), то он может «послать мелких, из отбора рыжичков». Чувствуется, что соприкосновение с землей предков напоило Яшина столь необходимой ему энергией, что он у себя на родине чувствует необыкновенный прилив сил. И в то же время такое счастливое состояние духа не мешает Яшину за несколько месяцев до развернувшегося осенью 1962 года Карибского кризиса предчувствовать возможность ядерного противостояния:

*Упустил ты золотую пору.
Белых тоже набирали горы –
Даже на лугах, на косогорах...
Мы уже боялись:
Вдруг к войне?*

И хотя тревожные мысли о судьбе цивилизации не оставляли Яшина и в вологодской глубинке, на первый план в его эмоциях выходило переполняющее душу счастье человека, очарованного прелестью родного края. Навеванные красотой северного пейзажа, рождаются такие шедевры поэтического описания природы, как стихотворение «Лесные дуги» (1962), где после описания зимнего леса («Мороз стоял на карауле, лес обряжая в башлыки») следует исполненное восторга от неистовой красоты склонившихся в дуги под тяжестью снега деревьев признание поэта:

*И я –
Сам бог и царь природы –
Вхожу под эти чудо-своды
Почти испуганный, немой.*

На Вологодчине Яшин черпает внутреннюю, движущую его творчество силу, которая поступает от обычной прогулки на лыжах (стихотворение «После снегопада», 1962), когда он сбивает бамбуковой палкой снег с деревьев и в этот миг сравнивает себя с вооружённым пикой «былинным витязем». Во всём этом действе есть и свой подтекст: обращение к людям, чтобы они после многих лет жизни под «культом личности» обрели достоинство и стойкость духа:

*По деревцам постукиваю:
– Выпрямитесь!
Разогнитесь!*

Рождённые в деревне Блудново и её окрестностях такие стихи, как «На заячьих тропках» (1962), «Рябчики в снегу» (1962) в значительной мере автобиографичны: поэт пишет «самого себя и о себе», в частности, о своих впечатлениях от зимней охоты на зайцев или рябчиков. Но не стоит полностью отождествлять автора с героем его стихотворений. Яшин пишет о себе, воссоздает себя, но не копирует свою личность. Его лирический герой наделён богатством индивидуальных человеческих черт, благодаря которым он предстаёт перед читателем живым человеком. Ему свойственно обостренно тонкое, только ему одному присущее восприятие мира. Он страстно любит природу и столь же страстно воспринимает чудо собственного существования с сугубо личной реакцией на всё многообразие проявлений жизни. В обоих «охотничьих» стихотворениях разбросан целый ряд знаков, несущих определённую информацию для просвещённого читателя. В судьбе умело заматающего следы зайца («Скидки, ходы / туды и сюды: / только

следы, только следы») можно разглядеть намёк на судьбу творческой личности в советском обществе, когда некоторым приходилось прятать свои рукописи по друзьям от «недремлющего ока» власти. А в невинном по содержанию стихотворении об охоте на рябчиков есть намёк на писательское «хождение по мукам» за разрешением от цензуры на издание своей работы («Бьюсь, гнусь, крадусь, вышагиваю, а наткнусь – вздрагиваю»).

Деревенская культура в понимании Яшина включает целый комплекс особенно дорогих, составляющих традицию ценных богатств русского народа. Он с детства привык, что они отображают реальный жизненный опыт людей, связаны с определённой этикой, видением жизни, определённой иерархией ценностей. И когда он писал прекрасные стихи о красоте природы Русского Севера, о богатстве сельского лексикона, о радости жить и работать на родной земле, то искренне стремился включить в духовную жизнь земляков идеи, стремления, ценности своего поколения. Но чем больше он вникал в деревенскую жизнь, тем всё более отчётливо понимал масштаб изменений в её облике в условиях развивающейся и меняющейся действительности. Стихотворение «Век не тот» (1962) построено на контрасте между видимой схожестью жизни земляков поэта с бытом их предков («Тот же дом под старой крышей, / под окошком тот же снег, / так же много ребятишек, / то же поле, / тот же век») и опытом людей, живущих в условиях общедоступности средств массовой информации. С деревенскими собеседниками поэт умудряется «все проблемы мировые / за ночь перевероршить» и приходит к выводу о навязывании властью землякам такого понимания смысла жизни, в котором инициатива, ответственность перед обществом уступает место вбитым в головы крестьян сведениям «О Китае и о Кубе, о Лумумбе и У Ну...». Приходится поэту признать: «Век не тот, / не тот народ!» Можно воспринять этот финал стихотворения как гордость поэта за «совсем иные речи» ставшего более просвещённым современного крестьянства, а можно понять и как недоумение по поводу безмятежного конформизма земляков, готовых смиренно переносить тяготы и лишения, благо «жизнь как жизнь: / и клопы не передохли, / и сверчки не извелись».

Ещё более тяготит поэта, что присущая его поколению производственная активность, желание принести пользу Родине уступает место идеалу лёгкой жизни, когда для молодого поколения деревни единственной ценностью становится приятное времяпрепровождение в городе. На эту тему написано стихотворение «Два брата» (1962), где рассказана история, как приехавший в дерев-

ню на побывку старший брат сумел закружить голову невесте младшего брата и тем самым расстроил намеченную свадьбу:

*Может быть, на девушку простую
Даже взгляда не скопил бы он,
Может, не заметил бы такую,
Если б младший не был так влюблён.*

На эту же тему была написана Яшиным повесть «Сирота» (1962), где в сатирических красках описан лодырь и ловила Павел, которому мастерское владение приёмами мимикрии позволяет завоевать любовь бабушки (чтобы позднее отнять половину дома и тем ускорить её кончину) и доверие брата Шуры (чтобы порушить его свадьбу). Как в стихотворении «Два брата», так и в повести «Сирота» контрастность характеров двух братьев исходила из мировоззренческой установки автора, отрицавшего какие-либо компромиссы и видевшего в «жесточкой двуликой эпохе» лишь белое и чёрное: «Порядочность и подлость, бесчестье. Есть относительность и абсолютность, продажность и неподкупность, безбожие и вера, смех и грех (но доступно это и понятно не для всех). Есть простодушие и преступность. Есть простота и подлость, продажность и коррупция, растление, перерождение. Есть мир и антимир»¹³.

В описании крестьянского быта в стихотворениях «Два брата», «Век не тот», «И стали мы пить чаёк...» (1962), «Весенняя болтовня» (1963), «Жёлтые листья» (1963) Яшин продолжал традиции очерка о русской деревне второй половины XIX века, в котором сочувствие народу не исключало критического освещения тёмных сторон его бытия. Как и Глебу Успенскому, писавшему о российской деревне 1870–80-х годов, Яшину хотелось бы верить в иллюзии об устойчивости крестьянского мира. Но как и Успенский, который видел, что проникший в деревню капитализм губит всю систему взаимоотношений внутри крестьянского мира, так и Яшин не мог не осознавать пагубные последствия советского «раскрестьянивания»: «Умирает деревня, умирает постепенно, дом за домом, пустеет, разваливается, замолкает»¹⁴.

Сатиру М.Салтыкова-Щедрина, очерки Ф.Решетникова, Г.Успенского просвещённая Россия восприняла как обвинение против существующего строя. Что же касается острокритических «деревенских» работ Яшина, то даже в отзывах его друзей (А.Твардовский в интервью газете «Правда» 12 мая 1963 года назвал «Вологодскую свадьбу» «отличным, полным поэзии очерком») их содержание (в целях защиты автора) было сведено

к лирическим волеизлияниям, что смикшировало их глубокое общественное звучание.

Оклеветанный после «Вологодской свадьбы» колхозными и советскими руководителями на Вологодчине, униженный коллективными письмами земляков с негативной оценкой его творчества как «антипатриотического», Яшин заклился когда бы то ни было вмешиваться в конкретику колхозных будней. У себя на родине он делает запись: «Писать бы здесь ежедневно по страничке, как дневник: перемена пейзажей, все, что вижу, и так – три весны! Ну – две. Немного и о деревне, о смене указаний и соответственной перемене в поведении колхозных «вожачков». Но только не вмешиваться больше в их дела, не учить никого, не писать о них, иначе съедят»¹⁵.

На первый план в его поэзии выходит любовная лирика, в которой он излагал свои чувства с удивительной жадной гармонии с миром. Логика разума в стихах Яшина уступала перед внутренней жизнью сердца, которое металось в поисках счастья, то падая в бездну отчаяния, то взмывая на крыльях надежды.

Любовная лирика Яшина 1960-х годов сродни «Персидским мотивам» С.Есенина, которые принято называть «любовным циклом» поэта. Их объединяет подмеченное П.Тарковским в лирике С.Есенина «ощущение радости бытия на грешной земле, красоты природы и Жизни, ее конечности, вызывающей грусть, и бесконечности, рождающей прекрасное изумление, взрыв печальных и светлых страстей, сознание необходимости радостного восприятия всего, что она приносит человеку на его кратком Пути»¹⁶.

Поэзией С.Есенина Яшин был увлечён со времени учёбы в педагогическом техникуме в 1928–1929 годах, когда он «страстно любил Есенина и сам начинал писать стихи о природе, конечно, с явными есенинскими интонациями»¹⁷. Из-за увлечения С.Есениным его в техникуме не приняли в комсомол. Поэтому в 1954 году, выступая на Втором Всесоюзном съезде советских писателей, Яшин имел основания сказать, что «мы до сих пор не можем добиться, чтобы советский читатель, отредактировавший и отстоявший для себя от всяких ханжей и перестраховщиков богатейшее лирическое наследие Сергея Есенина, получил бы наконец его книги»¹⁸. В стихотворении «Родина Есенина» (1965), навеянном поездкой на Рязанщину, Яшин рисует разбросанные по приокским лугам копны скошенного сена, у которых С.Есенин «сидел не раз», и говорит о своём желании тоже посидеть «на сухом сенце»: «Вдруг сойдёт на меня / свет стихов его... / Синий свет».

Яшин знал и любил цикл «Персидские мотивы»,

который был создан С.Есениным во время пребывания в Тифлисе, Батуме и Баку в 1924–1925 годах. И когда Яшин с 24 ноября по 18 декабря 1962 года находился в Грузии, куда приехал на празднование 125-летия Ильи Чавчавадзе, он, как и С.Есенин, был увлечён искусством восточных классиков, поэзией Георгия Леонидзе, которому посвятил стихотворение «На одной волне». На Кавказе родились и два стихотворения «Не дразни меня...» и «Просьба», по своей образности близкие циклу «Персидских мотивов» С.Есенина. Эпиграфом к первому из них Яшин выбрал строку из стихотворения С.Есенина «Я спросил сегодня у менялы...». Далее он использовал женское имя Лалы, встречающееся в трёх стихотворениях С.Есенина, чтобы таким образом зашифровать имя поэтессы Вероники Тушновой (1915–1965):

*Мне твой чёрный огонь сродни,
По душе он северным людям.
Но куда –
От семьи, от родни?
Будут слёзы –
Себя осудим.*

Любовное чувство к этой красивой черноволосой женщине (которую за непривычный русскому глазу облик её друзья называли «восточной красавицей») внезапно охватило душу поэта и стало источником как высоких и светлых эмоций, так и тяжёлых переживаний, разрывавших душу отца нескольких детей и крепкого (в глазах окружающих) семьянина.

Судя по стихотворению «Лирическое беспокойство» (1961), уже тогда Яшин ощутил полноту мироощущения, многообразную и неисчерпаемую жизнь любовного чувства, которого он в полной мере не знал до той поры. Как и в юности, он готов влюбиться «до онеменья, / до оглупенья, / до вдохновенья!». Он готов «снова стоять / на морозе часами, / снова писать / записки стихами» с надеждой, что в них «обнаружится божья искра».

Его избранница была достойна такого высокого чувства. По воспоминаниям знавших её людей, В.Тушнова была доброжелательна и сердечна, могла мчаться по первому зову на помощь в любое время дня и ночи. Она заражала всех смехом, весельем и подлинной любовью к жизни¹⁹. Её стихи из книг «Пути-дороги» (1954), «Память сердца» (1958) привлекали обострённым и тонким восприятием действительности. После встречи с Яшиным тема любви стала главной в её творчестве, а её песня «Не отрекаются любя» стала знаменита на всю страну:

*Я перестану ждать тебя,
А ты придёшь совсем внезапно.
А ты придёшь, когда темно,
Когда в стекло ударит вьюга.
Когда припомнишь, как давно
Не согревали мы друг друга.*

Встретить такую любовную страсть Яшин давно мечтал и поначалу полагал, что готов в отношениях с женщиной пойти на всё, вплоть до разрыва с семьёй. «Силы есть / и годов запас», – писал он в стихотворении из «кавказского» цикла «Просьба» (1962) и обещал «расправить грудь, / разогнуть усталую спину», лишь бы любимая была к нему «щедрой». Но действительность оказалась намного сложнее.

Лирический герой стихотворения С.Есенина «В «Хороссане есть такие двери...» из цикла «Персидские мотивы» тоже утешал «задумчивую пери», что у него «в руках довольно силы, / в волосах есть золото и медь». Но двери любимой, где порог обсыпан розами, он открыть не мог. Герой благодарит персиянку за то, что она дала ощутить ему «красивое страданье», и устало признаётся: «Ни к чему в любви моей отвага»²⁰.

В образе «автора», который создан в любовной лирике Яшина, можно заметить определённую двойственность, рождённую чувством зависимости личности от социального бытия. Его поэзия была непосредственным выражением авторского Я с вполне индивидуальными чертами характера. Личность поэта всё время ощущается за строчками стихов Яшина. И одновременно в его любовной лирике, кроме личного опыта автора, заметен давящий на человеческое чувство мир норм и общественной морали социалистического общества, не признающего любви вне брака.

Стихотворение «Со стороны» (1962) овеяно светлым чувством встречи с любимой на устроенном ею для своих друзей пикнике на лоне природы. Он отходит в сторону и любит её её добрым смехом, её умению радоваться, как чуду, плеску речной волны, красоте сосновой рощи и прибрежного луга, её дару быть душой компании, заводилой песен и веселья:

*Как, должно быть, с вами жить легко!
Мир устойчив
И благоустроен.*

Но эта потрясённость автора красотой природы и резвящейся на берегу реки женщины вступает в противоречие с описанием попивающего пивко «под колючей хвоей» мужа возлюбленной. Любовь мужчины и женщины расслаивается на высокую

сферу прекрасного чувства и низкую прозу быта. Как писала сама В.Тушнова в стихотворении «Хмурю землю...»: «Стоит между нами / не море большое, / горькое горе, / сердце чужое». У В.Тушновой росла дочь, у Яшина в браке со Златой Константиновной (р.1914) – дети Наталья и Михаил²¹. Приходилось встречаться тайно, в других городах, в гостиницах, ездить в лес, где бродили целыми днями и ночевали в охотничьих избушках. Яшин наслаждался видом своей возлюбленной, по его примеру полюбившей ходить босиком и наминавшей ему лесную ведьму, как героиня стихотворения «Дебора» (1962):

*Вот в платьице с синим отливом,
Босая, коса на весу,
Ступая по мхам боязливо,
Идёшь над зелёным заливом –
И травы роняют росу.
Глядят на тебя как на диво
Все звери, все птицы в лесу.*

Нравственную силу любовной лирике Яшина придавала горячая вера, что истиной может быть лишь лично пережитое. Он и ранее стремился возможно больше получить из окружающей действительности. Его душа всегда была открыта настежь, чтобы проникнуться красотой северной природы и духовным богатством земляков, соприкоснуться со многими явлениями сельской жизни. Он проявлял интерес к личным и общественным делам человека, к богатой гамме его переживаний. Он был заботлив о детях и своей жене. Но в один прекрасный день, после встречи с В.Тушновой, он вдруг понял замкнутость пространства чувств вокруг себя и решил найти какой-то выход. Как писал Яшин в стихотворении «Аэлита» (1963), вспоминая начало любовного романа, ему захотелось полюбить «безответственно, безрассудно»:

*Очень хочется полюбить,
Чтобы жизнь не текла напрасно,
Самому судить
И рядить,
Властелином быть
И подвластным.*

В любовных стихах Яшин испытал чувство облегчения, освобождения от всего, что в нём наслоилось. Ведь сколько раз каждая его честная попытка вникнуть в социалистическую действительность была скомпрометирована критикой и руководителями литературной политики как культурный анахронизм! И только теперь, когда он ушёл от «социалистичес-

ких критериев», он смог сам «судить и рядить» и найти свой путь «к звёздам», к своей Аэлите с надеждой на грядущие перемены в себе и в своём творчестве («Очень хочется преобразиться»).

В стихотворении «Мир – из огня» (1962) гармоничность воображения и художественного образа соответствуют правде жизни и сочетаются с совершенством формы самого произведения:

*Ночь надвигается, словно старость,
А я не засну.
Сколько женщин встречалось –
Вижу только одну.
Встретил её –
И с этого дня
Верю, что мир возник из огня:
Заново – твердь,
Заново – свет...
Ныне на всей земле для меня
Женщин других нет.*

В образе лирического героя любовной лирики Яшина поражает подлинность, правдивость переживаний и чувств. Автор стремится ничем не прикрывать, не опрощать его поисков и метаний, его жизненных коллизий, его размышлений и рефлексий, избегает всякой метафоричности. Между лирическим героем и его чувствами нет дистанции, не случайно он такой «настоящий» в хорошем понимании этого слова. В своих отношениях с женщиной герой лирики Яшина проходит путь от желания «полюбить, чтобы жизнь не текла напрасно», до понимания ответственности за судьбу любимой женщины, осознания предстоящих трудностей борьбы за любовь. Не случайно процитированное выше стихотворение «Мир – из огня» заканчивается описанием тревожных сомнений в душе лирического героя, последствия которых он предоставляет воображению читателей:

*Всё – от неё,
По её велению,
Счастье и маета.
Может, прорежется новое зреньё?
Может, как высшее просветленье,
И на меня снизойдёт слепота?
Как обо всём об этом сказать?
Что ни скажу – солгу.
Страшно смотреть мне в её глаза
И не смотреть не могу.*

По воспоминаниям друзей В.Тушновой, размещённым в Интернете (смотрите сделанную ранее ссылку), по возвращении на электричке в Москву

после совместной прогулки по лесу Яшин просил Веронику выйти за две-три остановки, чтобы их не видели вместе. Яшин всё более понимал, что не сможет оставить семью. Не смогла бы решиться на такой поступок и его возлюбленная, воспринимавшая обострённо и тонко всё происходящее. По словам друзей, она называла своё чувство «бурей, с которой никак не справлюсь», и доверяла малейшие его оттенки и переливы своим стихам как дневниковым строчкам. Всё чаще Яшина настигала мысль о сложности и трагизме жизни доверившей ему своё чувство женщины. За её весёлой улыбкой и жизнерадостностью он смог разглядеть всю глубину страданий, грусти и озабоченности. В написанном от лица женщины стихотворении Яшина «Если б ты подал голос...» (1962–1964) явственно проступает осознание всей сложности и трагизма жизни возлюбленной:

*Когда я в лесу заблудилась
И, выбиваясь из сил,
То плакала, то молилась,
Мой милый, скажи на милость,
Ты где в эту пору был?
Когда поднялась непогода,
Ночь выла на все лады –
Искал ли мои следы?
Ведь если б ты голос подал,
Не было бы беды.
Ах, если б ты подал голос,
Аукнул хотя бы раз,
Душа бы моя боролась,
Отчаянью не поддавалась.
И этих сомнений мука
Не выросла б до небес...
Но, может быть, ты аукал,
Да я не слыхала –
Лес!*

На взлёте любовных чувств Яшин оказался перед свободой выбора, границы которого он должен был определить для себя сам. Сохранить в тайне отношения с Вероникой не удалось. Дружью по писательскому цеху осуждали обоих. В семье Яшина началась настоящая трагедия. Среди многих возможностей Яшин выбирает наиболее человечную, гуманную позицию: он «отпускает» Веронику Тушнову, понимая, что оба они живут в сложных общественно-исторических условиях, которые и определяют истинные границы свободы, – границы, которые нельзя ни обойти, ни перешагнуть. В написанном в 1964 году стихотворении «ВМТ»²² лирический герой говорит о желании «одолеть свою слабость, / свою ВМТ, / уйти от равновесия, / даже если в нём моё счастье».

Когда В.Тушнова оказывается в онкологическом диспансере, Яшин навещает её. По словам друзей, потеря любимой изменила Яшина. Он перестал скрывать свои чувства и бояться их, стал посвящать Веронике стихи. Смерть возлюбленной прояснила его мысли, освободила от строго регламентированных условностей поведения в «закрытом» обществе. Яшин приходит к убеждению, что цель жизни – в самой жизни, в том, что она продолжается, не иссякая. В стихотворении «Заклинание» (1966) поэт проводит ставшую ему близкой христианскую идею «всеспасительной любви», к которой он пришёл через поиски истины, добра и красоты в жизни, через выстраданную «драму чувств»:

*Воскресни!
Воскресни!
Сломалась моя судьба.
Померкли,
Поникли
Все радости без тебя.
Пред всем преклоняюсь,
Чем раньше не дорожил.
Воскресни!
Я каюсь,
Что робко любил и жил.*

Нравственная оценка в поэзии позднего Яшина определяет переживания лирического героя. «Драма чувств» углубляется, обогащается противоречиями. Но остаётся неизменной авторская надежда на освобождение личности с осуществлением толстовских заповедей любви и добра, когда люди будут любить открыто и сильно, стремиться к счастью и не страдать ради самого страдания.

Яшину, как и Толстому, была присуща вера в доброе начало в человеке, данное ему от рождения. Многие годы он искал идеал в патриархальной жизни сохранившего нравственные устои «естественного» человека, прежде всего человека труда, крестьянина. В стихотворении «Счастливы однолюбы...» (1968) Яшин сравнивал тех, кто всю жизнь был верен одной женщине, с «единоверами»: у них «душа не идёт на убыль». У самого же писателя в отношениях с женщинами не обстоятельства управляли чувствами, а чувства – обстоятельствами. На каком-то этапе отношений с В.Тушновой у него стало возникать опасение губительной власти любовного чувства как эгоистического стремления к личному счастью. В написанных в 1960-е годы стихах о взаимоотношениях с женой и детьми большое место занимает тема «совести» как нравственного критерия поведения человека в семье. Яшин не мог не понимать, как много страданий пришлось пережить ма-

тери его детей, и в стихотворении «Наслаждение в верности» (1967) писал:

*Даже если замучила,
Даже если наскучила,
Столько всё-таки прожито
Вместе...
Столько пережито уже.
Это – как верность родине,
Деревне верность своей,
С её некрасивым именем,
С грязью непроходимую,
С запущенными сенокосами...
И всё же –
Нету ее красивей.*

Яшин остался в семье, но платой за невозможность выбора для него стала жизнь. В его философской лирике последних лет всё чаще появляются размышления над вечными проблемами бытия: судьбы, страдания, смерти, смысла жизни. Так же, как Есенин, Яшин был человеком исключительной впечатлительности, незащищённым перед теми трудностями жизни и быта, которые встретились на его пути: «Всю жизнь в перенапряжении / порой до потери чувств, – писал Яшин в стихотворении «Перегрузка» (1964). – Какие нервы выстоят, / какое здоровье не сдаст?»

В ноябре 1962 года в Тбилиси во время празднования юбилея Ильи Чавчавадзе Яшин тяжело заболел и попал в больницу. Уже тогда, судя по начатому в больнице стихотворению «К собственному юбилею» (1963), он уловил во взглядах «встревоженных врачей», что «болезнь далеко зашла» и «сил не вернуть сполна». Вопреки всему, летом 1963 года Яшин тепло встречал у себя на Бобришном Угоре Ф.Абрамова; в сентябре 1964 года участвовал в Неделе литературы в Архангельске (который называл своей литературной родиной); в феврале-марте 1966 г. гостил у В.Белова в деревне Тимониха, в апреле-мае жил в Блудново; в августе 1967 г. вместе с группой молодых вологодских писателей (В.Белов, Н.Рубцов, В.Коротаев, Б.Чулков, С.Чухин, Л.Беляев) совершил путешествие на теплоходе по реке Шексне.

Яшин продолжал работать над новыми стихами в вологодской больнице, где находился с 26 декабря по 14 февраля 1967 года, и в одной из московских клиник (ноябрь 1967 г.). Оказавшись в больнице новосибирского академгородка, он написал стихотворение «Академгородок» (1968) и в рукописном варианте оставил запись: «Даже больница для того, чтобы писать». Яшин любил жизнь, не хотел умирать так рано, на шестом десятке лет. В стихотворении «По-

дари, боже...» (1968) он просил у высших сил одарить его ещё одним лоскутком шагреновой кожи, чтобы увидеть «большую весну с журавлями, с ветрами», побывать на медвежьей охоте:

*А там прихватим зиму
Неукротимо.
А там посмотрим.*

Само по себе обращение к Богу свидетельствует, что те идеалы, которым с детства Яшин служил, которые осмысливали его жизнь, потеряли своё обаяние. У него осталась лишь жажда жизни, живой и глубокой, жажда полной, совершенной личной свободы. Он пережил упоение страстью, но даже в этот момент в его душе жила вера в какую-то последнюю прочность и нерушимость бытия. Он верил, что в любой момент может вернуться в семью, обрести спокойный уют родного дома, любовь жены и детей. Но надежды оказались несбыточными, а болезнь ещё усугубила ситуацию. Как он писал в стихотворении «Опять больница...» (1964), «жене всё тревожней / и очень возможно, / ей хвори мои / надоели безбожно». Да и вынужденные проводить время у кровати больного отца дети «в обиде»: «Мои потрясенья, сомненья, мученья у них вызывают одни огорченья». Всё чаще Яшина беспокоила мысль, что с таким трудом выстроенный им дом на Бобришном Угоре не будет востребован детьми-горожанами. Не сбылась мечта по примеру Л.Толстого уйти от семьи, от людей и жить в этом доме – по причине ухудшившегося здоровья и боязни одиночества: «Стал бояться деревенских условий жизни – духота, отсутствие воды, света, прочих разных удобств. А главное – кто-то со мной должен жить душа в душу»²³. Как свидетельствует стихотворение «Отходная» (1966), душа Яшина полна тревоги и неясности:

*Сбылось ли что?
Куда себя девать
От желчи сожалений и упрёков?
О как мне будет трудно умирать!
И никаких
нельзя извлечь уроков...*

Яшин убедился, что всякий миг счастья с избытком искупается страданиями, что горя в жизни безмерно больше, чем радостей. Внимательно вглядываясь в собственную душу, он ощущает тоску и неудовлетворённость. Он ясно видит неизбежный конец всякой жизни – смерть, перед лицом которой всё становится одинаково призрачным. В посвящённом К.Паустовскому стихотворении «Переходные вопросы» (1966) Яшин говорит о

безнадёжном и безвыходном блуждании души в поисках ответа на «проклятые, немодные» вопросы, отсутствие ответа на которые доводят до предельной остроты тоску и духовную жажду:

*А в чём моя вера?
Опора?
Основа?
Кого для примера
Брать –
Снова Толстого?*

«Хочется исповедаться, / выговориться до дна», – признаётся Яшин в стихотворении «Перед исповедью» (1965). Временами он ощущает столь сильную неприязнь к себе, такую «смуту сердешную», что готов «на костёр шагнуть, / лишь бы из одиночества / выбиться как-нибудь».

В стихотворении «В конце пути» (1966) присущие лирическому герою внутренние противоречия, колебания и сомнения, от которых никто не застрахован, передаются через внутренний монолог уже зрелого человека, в сознании которого мысль о смерти вызывает целый наплыв подробностей и воспоминаний:

*И чем ближе конец дороги,
Дом, семья, –
Тем сильнее, больней,
Тем неистовей гром тревоги
На путях
И в груди моей.*

Это отнюдь не безупречный и свободный от ошибок герой, какие попадались в некоторых произведениях послевоенной литературы. Он проходит через моменты душевной подавленности, вызванной неизлечимой болезнью и немощью своего тела. Лирический герой стихотворения «Чего еще сердце просит?» (1966) высказывает сожаление, что моральные проблемы, выдвигаемые жизнью, в том числе – проблему отношения к женщине, решал скорее на стихийный лад:

*Жестоких желаний жженье,
Любовь и остуду знал,
И ненависть, и примиренье,
Смиряться и бунтовал.*

Свои последствия имел и военный опыт. Яшину (и его поколению) пришлось пройти сквозь тяжкие испытания. Их чувства и разум были поражены пережитыми ужасами, всем увиденным во время войны. Им надо было иметь большую стойкость духа, чтобы в

жестоком мире войны сохранить остатки человеческих чувств, обрести смысл жизни в борьбе с фашизмом, а после Победы стремиться начать всё сначала, с полной личной заинтересованностью участвовать в формировании истории. Тем резче был контраст между сохранившимся в сознании фронтовиков героическом времени и современной им жизнью, которая шла вперед, стирая следы прошлого, созидая из руин новые ценности. Тем было труднее, писал Яшин в стихотворении «Последняя глава» (1967), подводить «предварительные итоги»:

*Книга жизни...
Только ль слова?
Сколько лет я сию над ней!
Пожелтели страницы в ней,
Как трава в сентябре,
Как листва,
Поседела моя голова.
Но вдвойне дается трудней
Заключительная глава.*

В этой тоске, в этих мучениях духовного голода и жажды, когда даже самому близкому человеку Яшин не мог высказать до конца то, что его мучит, он всё сильнее любил и тосковал по родине. В стихотворении «Добру откроется сердце» (1963) он вспоминал о своих хождениях босиком «по осоке, по гальке, через поля» и говорил о соприкосновении с животельной энергией родной земли, которая освобождала тело от «лишних электротоков»:

*А с ними,
Почти бесследно
Рассасываясь, как вода,
Всё злое,
Дурное,
Вредное
Уходит в песок навсегда.*

«Меня мужики называют своим поэтом», – говорил Яшин в стихотворении «Жёлтые листья» (1963). Понимая, что каждое его стихотворное послание к землякам может быть «прощальным», как падающие в холодную просинь осенней реки жёлтые листья, он в стихотворении «Спасибо солнцу!» (1963) славил жизнь, вечно возрождающуюся под лучами светила. Взглядом художника он замечал, как ещё не просохшие от росы папоротники разворачиваются, «будто солнечные кокошники»; как у рыжей волнушки пушистая юбочка с оборками становится похожей «на солнечные протуберанцы», и заканчивал стихотворение идущим от души восклицанием:

*Мне хорошо с тобой, солнце.
Спасибо тебе.*

«Уваженье к сельской страде / у меня родовое, дедово», – признавался Яшин в стихотворении «Хлеб созрел» (1961–1964). Он очень хотел помочь своей вологодской родине воскреснуть, обновиться, явиться миру во всей красоте и духовной силе. Он продолжал верить в свойственную землякам внутреннюю силу жизни и в стихотворении «Хлеб-соль» (1964) радовался, что любовь к труду на земле живёт в крестьянских душах, что во время страды «И люди добреют, / и песни девичьи / хватают за сердце: Урожай!».

В народной жизни он искал истину, которая могла бы его духовно озарить, подлинных идеалов, которым мог бы поклониться и служить. И когда источники его жизни стали иссякать и он ясно увидел смерть, поэт написал стихотворение «Схороните меня на Бобришном Угоре...» (1967), исходя в этом решении от надежды на спокойный уют родной земли, на последнее слияние внутренней связи своего мятежного духа, своей личности с духовной почвой своего великого народа.

В последнем своём стихотворении «Так же будут юноши писать...» (28 апреля 1968 г.) Яшин желал юношам «писать стихи и прозу» и философски говорил о круговороте жизни, когда и после его смерти «всё, что пело, будет впредь / так же петь, / достигая роста...». Он не ощущал смертельной пустоты в глубине своего духа, поскольку, по свидетельству дочери Натальи, искал спасения в молитве как в благодати, посылаемой Богом: «В последние дни своей жизни он, высоко поднимая руку, перелистывал в воздухе страницы невидимой книги, говорил, что знает теперь, как надо писать, А то, очнувшись, много раз на день обращался напрямую: «Господи, я иду с Тобой на соединение»²⁴. Яшин умер 11 июня 1968 года в Москве и похоронен на родине. Решением Вологодского облисполкома ныне создан мемориальный комплекс, включающий построенный поэтом в 1962 году дом на Бобришном Угоре, деревню Блудново Никольского района Вологодской области и могилу поэта на Бобришном Угоре с памятником-надгробием (скульптор В.А.Михеев). Именем Яшина названа улица в Вологде, школа-интернат в Никольске. Поэту поставлены памятники и открыты музеи в Блудново и Никольске. Все эти посмертные почести, по словам К.Паустовского, поэт заслужил «самоотверженной любовью к своему народу, знанием его, честностью, проникновением в поэзию родной страны. В этом смысле Александр Яшин – подлинный, талантливый сын нашего Севера, вологодских краёв, сын и поэт»²⁵.

Примечания

- ¹ Яшин А. Собр. соч.: в 3-х тт. М., 1986. Т.3. С.280.
- ² Вопросы литературы. 1967. №6. С.150.
- ³ Берсенев А. Нет, не прав Яшин! // Красный Север. 1963. 26 янв.
- ⁴ Берсенев А. Две реплики гл. редактору А.Т.Твардовскому // Известия. 1963. 31 января.
- ⁵ Пшеничников А. Встречи // Авангард. Никольск, 1970. 20 июня.
- ⁶ ЦГАЛИ, ф.2290, ед.хр.52, оп.1, л.1.
- ⁷ Яшин А. Собр. соч.: в 3-х тт. М., 1986. Т.3. С.325.
- ⁸ См. комментарии З.Яшиной и Н. Яшиной // Яшин А. Собр.соч. в 3-х тт. Т.1. М., 1984. С.596-627.
- ⁹ Яшин А. Босиком по земле // Яшин А. Собр.соч.: в 3-х тт.Т.1. М., 1984. С.271. Дальнейшие цитаты из стихотворений А.Яшина 1960-х годов – по этому изданию без указания страниц.
- ¹⁰ Октябрь, 1980, № 2. С. 160.
- ¹¹ Яшин А. Василий Белов // Мы – молодые. Сборник. М., 1969. С.256-257.
- ¹² Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С.288.
- ¹³ Яшин А. Собр. соч.: в 3-х тт. М., 1986. Т.3. С.306.
- ¹⁴ Яшин А. Собр. соч.: в 2-х тт. М., 1985. Т.2. С.109.
- ¹⁵ Яшин А. Собр. соч.: в 3-х тт. М., 1986. Т.3. С.318.
- ¹⁶ Тарковский П. «Я еду учиться...». «Персидские мотивы» Сергея Есенина и восточная классика // В мире Есенина. Сб.статей. М., 1986. С.344.
- ¹⁷ Яшин А. Собр. соч.: в 3-х тт. Т.3. С.59.
- ¹⁸ Второй Всесоюзный съезд советских писателей. 15-16 декабря 1954 г. Стеногр. отчет. М., 1956. С.340.

¹⁹ Вероника Тушнова. Биография. Режим доступа: [http // www. peoples.ru / art / literature / poetry / contemporary / tushnova](http://www.peoples.ru/art/literature/poetry/contemporary/tushnova)

²⁰ Есенин С. Собр. соч.: в 5-ти тт. М., 1962. Т.3. С.22-23.

²¹ Михаил – пианист, окончил Московскую консерваторию по классу профессора Веры Горностаевой. В 1981 году, женившись на дочери русского эмигранта, переехал в Париж // Красный Север. Вологда. 2006. 25 марта. Наталья – много лет занимается сохранением и популяризацией творчества А.Яшина.

²² Как пишет поэт, ВМТ – это мета из трех букв на маховике коленчатого сустава, что означает Верхняя Мёртвая Точка поршня. Другой вариант для знающего читателя – это первые буквы ФИО Веры Михайловны Тушновой.

²³ Яшин А. Собр.соч.: в 3-х тт. М., 1986. Т.3. С.324.

²⁴ В сб.: Живая душа: к юбилею А.Яшина / Сост. Т.Н.Новых. Вологда, ВОЮБ, 2013. С.15.

²⁵ Паустовский К. Поэт-северянин // Литературная Россия. 1963. 20 марта.

Юрий Иванович ДЮЖЕВ.

*Литературовед, литературный критик,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник*

*Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН.*

В результате многолетней работы Ю.И. Дюжевым были подготовлены и опубликованы пять библиографических указателей, пятнадцать монографий и сборников статей, в которых он вынес на обсуждение узловые проблемы развития русской литературы Европейского Севера и дал очерки творчества ведущих писателей региона.

*Лауреат премии РК в области культуры, искусства и литературы (2002),
лауреат премии «Сампо» главы РК (2009).*

*Отмечен званиями «Заслуженный деятель науки РК»,
«Заслуженный работник культуры России».*

Член Союза писателей России с 1977 г.

